

(И. Хрущов. Исследование о сочинениях Иосифа Санина, СПб. 1868 г., стр. 158). Если и не жгли книги, то сторонились от них, не допускали в свою среду, как это делали раскольники по отношению к Никоновской печати. Есть впрочем известие о сожжении и потоплении свыше 200 книг соловецкими раскольниками в 1669 году (см. Чтения в Общ. истор. и древн. росс., 1846 г., кн. III, отд. I, стр. 36—38).

Примером массового преследования книги может служить сожжение москвичами новозаведенной типографии в шестом десятилетии XVI в. Вероятно, жгли ее не одни местные писцы и не за то только, что заведение печати угрожало их заработку. Здесь проявилась многосложность социальных отношений, завершавших предшествующие периоды феодализма ожесточенной борьбой. Здесь выступали общественные группы, находившиеся, вероятно, на разных ступенях зависимости, но одинаково прозревавшие усиление эксплуатации от усовершенствования орудия власти. Мы можем предположить, что книгопечатание, сосредоточенное в руках тогдашнего крепостнического правительства, вызывало боязнь наступления планомерно организованной цензуры вместо прежней, действовавшей самотеком. Не сомневаемся, что распространение новопечатной книги должно было вызвать массовый протест и в тех восточных колониях московитского капитала, для обрусения которых прежде всего и было заведено печатание «святых» книг.

Среди разнообразных типов внутреннего, да и внешнего оформления средневековой книги особенно показательной для констатации социальной борьбы является серия посланий и памфлетов, в виде «грамотиц» и «тетрадок». Уже прежние исследователи и композиторы истории литературы, например, Н. С. Тихонравов, особенно охотились за этой, в большинстве ненарядной книжностью (раскольничьи тетрадки). Эти книговидные произведения исполняли роль злободневной «прессы», отзываясь на самые большие вопросы социальных отношений и появляясь обильно именно в моменты обострения социальной борьбы. Некоторые из них адресовывались определенному лицу, но все без исключения назначались для всеобщего сведения, для целого круга читателей. Эти грамоты, грамотки, тетрадки существовали сначала каждая отдельно, но лишь немногие из них дошли до нас в подлиннике и в отдельном существовании, случайно сохранившись в архивном или сыскном учреждении средневековья (см. упоминание тетрадок Пересветова в описи царского архива, или нахождение раскольничьих писем и записей заговоров, песен и т. п. в сыскном приказе). Бытуя сначала отдельно, такие